

СКАЗАТЬ, что село сейчас час на подъеме, — значит ничего не сказать. Никогда прежде у колхозов и совхозов не было таких доходов, у людей — таких заработков. Никогда не строили на селе так много, так быстро... Да, строят. Но еду по селам родного Агдаша. Новостройки — небольшая усадьба (не щедры ныне сельсоветы на место!). Дом — на две-три комнаты, не больше. На вид скромный, без архитектурных достоинств (ох уж эта проблема проектов для села!).

Зато вокруг дома — забор. Не забор даже. Стена. Камня она берет не меньше, а то и больше, чем сам дом. И хотя найти стройматериалы непросто и стоит это недешево — забор растет... Еду по селу и вижу все новые и новые заборы. — От кого вздумал прятаться? — спрашиваю знакомого учителя, справившего новоселье.

— И не скажи, брат, — вздыхает он. — За этими стенами высоченными и дышащими нечем. Да что подальше... — Как что? Не строил бы.

— Так ведь не хотел. Думал, зелень посажу. Возле дороги мыслил живую изгородь с цветами. Подобную той, какую видел, когда ездил в Польшу.

— И что же? — Засмеялся. Заявили, коровы-козы сжуют изгородь вместе с цветами. Откуда, мол, знать им, что это — для красоты. Сказали, забор надо строить. Как принято.

— Кем принято? — Всеми.

— Так объяснил бы, ты же учитель, у кого, как не у тебя, селу учиться.

— Пробовал, да что толку. Представь, односельчане собрали деньги. Решили, что у меня не хватало. На, кледи забор! А то человек ты на селе заметный, в городе учишься. Летом выйдешь босиком во двор — с дороги увидят. Неудобно... Что тут скажешь? Сдался.

Да, упряма, сильно сельская молва! Можно увидеть в ней рецидивы отжившего. Тихо, когда жизнь дома пряталась от посторонних глаз во внутренних двориках, глядя на улицу забором. Можно. Но...

Я вырос в том самом агдашском селе и могу утверждать смело: в послевоенные годы, в пору моего детства, такого здесь не было. Каждый мог видеть со своего двора, что делается у соседей. Не было друг от друга секретов. И если ты пробегал мимо двора, где пекли чурек, тебя обязательно, зазавав, одаривали вкуснейшей корочкой. Говорили: коли почувал запах печен

ного хлеба — переломил его с хозяином... Мой отец был врачом, одним из первых интеллигентов в селе, получившим высшее образование. Помню весну 1947-го. Все село собралось вместе — и взрослые и дети. Каждый принес с собой еду, какую смог. Какая нашлась в доме и что хозяйка взялась сготовить, не стыдись показывать своего умения. Просторный двор правления колхоза стал нашим общим «столом» — на земле расстелили скатерти и на них выложили кто что принес. Вместе ели, танцевали.

Бакинский рабочий 1987. — 3 января №2. — С. 4

ЦВЕТЫ У ДОМА

Заметки писателя

Прыгали через костры. Мирилых, кто был в споре. Думало: а можно ли собрать сейчас вместе все наше село? Пожалуй, можно. Несмотря на то, что немало воды утекло. Несмотря на каменные заборы.

Хотя, наверное, собраться сейчас труднее. Заборы ведь воспитывают так же, как и отсутствие их! И не потому ли сельские парни и девушки теперь не торопятся обратно домой после учебы, что не хотят жить за забором, — их ничто не влечет к селу...

Все тешу себя мечтой: вот стукнет шестьдесят, мало осталось, перееду к себе в село. Буду писать. Хотя знаю, жить на селе и «просто писать» трудно.

Окончательно убедил меня в этом разговор с дядей, приехавшим погостить. Точнее — решить кое-какие вопросы, авлазанные с животноводческой фермой, которой он заведует.

— Послушай, а где ты сейчас? В какой должности? — спросил меня дядя, приступая к традиционному чаепитию.

— Нигде, — отвечаю. — Пишу стихи.

— Знаю, пишешь. Но... Вправду не работаешь?

— Писать у нас считается работой.

— Сам-то ты как считаешь? Мужское это дело?

— Писать трудно.

— У тебя образование высшее, у меня среднее. Для меня написать письмо — все равно, что для тебя — стихотворение. А я пишу письма четверным детям — двое в армии, знаешь, двое учатся... Плюс — учет-отчетность на ферме. Но все это я работой не считаю.

Моя работа — это скот держать в сытости и чистоте. Надо, привеси... Нет, для мужчины с образованием, как у тебя, нужна такая, знаешь... селидная должность. Так я горю или не так?

Дядя спросил это с такой уверенностью в собственной правоте, что я не стал спорить. Знал бы он о моем желании переехать в село и уж тем более — о том занятии, которое мысля для себя между работой над стихами.

Занятие это — пастушество! Да-да, пастушество!

Мне приходилось пасты скот

в детстве, и я бы рад снова за это взяться. Чем гулять с видом дачника в свободное от литературной работы время, разве не лучше отправиться на пастбище? Но... Вы думаете, меня поняли бы? Как бы не так! Родной дядя, сам занимающийся всю жизнь животноводством, воспринял бы это как легкомыслие и блажь. Соседи, односельчане? Убежден — и они дружно осудили бы мою затею.

...Непостижимый парадокс. Хотите, чтобы в любом селе, в любом районе на вас молились? Объясните, что вы беретесь пасты скот. Но почему-то никто из местных жителей, из тех, кто готов чабане носить на руках, сам за это дело не берется. И это при всем том, что крестьянские прекрасно знают: от того, как скот выпасен, зависит, сколько и какое на столе молоко, масло. Обеспеченность и благополучие в доме.

Может, заработок не тот? Ничего подобного. За каждую голову скота в месяц чабану причитается по пять рублей, стадо — голов сто, а то и больше. Вот и считайте — министерский оклад!

Много лет наблюдаю за метаморфозой, что происходит с сельскими парнями, возвращающимися домой с дипломом, и не перестаю удивляться.

Те же люди, да не те. Вроде и знаю, что к чему, что нужно селу (еще бы — выросли здесь!), к чему следует приложить усилия, дабы жить здесь стало лучше, интереснее. И в то же время к этому общему интересу значащую равнодушны. Не скрывают, что есть у них свой лич

ный интерес. Помню, лет так двадцать назад в молодежной газете взялись защитить молодого специалиста, который бомбардировал редакцию телеграммами: «Не дают работать по специальности», «Председатель не поддерживает молодежь», «Спасите от бюрократов» и т. д. и т. п. По командировке газеты я поехал в этот сельский район. И что же? Оказалось, работать парню предлагали ветеринарным врачом. Но он сам не хочет. Требуется, чтобы его определили заведующим животноводчес-

кой фермой или, как он написал в своем заявлении, директором бани.

— Послушай, а баня-то при чем? — спросил я парня. — Ты же о работе по специальности...

— Там вакансия есть, — с обезоруживающей откровенностью ответил он и подмигнул: — Помоги, а?

— А в клуб пойдешь? — улыбнулся я.

— Заведующим? Почему нет. — Справишься? — продолжил я игру. — Ведь ни музыкального образования у тебя, ни...

— Подумаешь, — обиделся парень. — В соседнем селе завлукблом кончал нефтяной техникум! Что там мудреного? Открыл клуб, закрыл. Зато есть кабинет, печатать.

Государство не жалеет средств на то, чтобы каждый, кто пожелает и имеет способности, мог получить образование. О пользе и благе этого говорить не приходится, тут все ясно. Относительно недавно заговорили вместе с тем об избытке инженеров, об опасности «растраты образования».

Отмечу еще одну опасность, которая лично меня заботит давно и всерьез.

Погоня за руководящими должностями и создающийся дефицит их на селе.

В какой-то мере это вызвано неразумным планированием подготовки специалистов. Есть у нас в Агдаше, скажем, сельскохозяйственный техникум. Для села это выгодно. Обычно юноши и девушки едут в город и остаются, а тут — поучился и обратно. Но кем? Агротехником.

Предположим, селу нужно

десять агрономов и агротехников. Двадцать уже есть — пристроили кое-как. Но очередной выпуск, и едут новые. Куда их девать? И ведь идти на рядовую работу или в среднее звено не хотят. Каждый метит повыше.

В то же время на селе дефицитен тот же чабан. Нет электромонтеров. Квалифицированных киномехаников, телевизионных мастеров, мотористов.

А агрономы, врачи, юристы, знай, едут. В районных организациях выстраиваются очереди — куда кому. А главное

— кем!

Вот прочел я в журнале «Коммунист Азербайджана»: из 12 тысяч сельских культурпроизводителей лишь одна тысяча с небольшим имеет высшее и четыре тысячи — среднее специальное образование. В некоторых районах положение и того хуже. В то же время дипломированные специалисты нередко возвращаются ни с чем. Почему? Прежде всего потому, что руководители на местах не решаются трогать тех, кто десятилетиями заведует клубами да библиотеками, не имея специального образования. Поди их тронь! Корнями ведь в землю вросли.

Итак, при нынешней всеобщей грамотности и материальной достатке быть чабаном или, скажем, монтером не престижно.

Ну а что сельский интеллигент — а чести! Не всякий.

Авторитет учителя, прямо скажем, упал. Врача? Повыше. Как и — агронома, строителя...

Главное же, повторю, не столько профессия, сколько должность. Кем является имярек.

Учитель, врач — это одно, директор школы, главврач — совсем другое. Тот же чабан, стаян он заведующим животноводческой фермой, винаг вознесется в глазах односельчан. То был просто Ахмед, теперь — Ахмед-муаллим.

Все бы ничего — в конце концов руководителем быть непросто, и может, даже хорошо, что есть соревнование (а значит, выбор), если бы все это не приобратило порой уродливые формы.

Известно, крестьянской темной и бесправной, тяжелой

физическим трудом вынуждено когда-то особое отношение к людям ученым, образованным. Им верили, их слушали. Они были словно светлый луч в той жизни, которая окружала их. Слово «интеллигент» по-азербайджански «злия» и означает буквально «несущий свет». Свет знания, культуры. Лучшие представители интеллигенции старались всегда быть на высоте этой миссии. Не кичились своей образованностью, не подчеркивали своей исключительности. Не командовали зря. Напротив, как отметил один ученый, выступая в молодежном диспуте на тему бездуховности, испытывали даже некий комплекс вины перед теми, над которыми вознеслись волею обстоятельств.

Теперь этого комплекса вины нет, и слава богу. То, что было когда-то редким исключением, стало правилом. Одна из первых и великих побед Советской власти — ликвидация неграмотности. Ныне двери к знаниям и культуре открыты для всех.

Как и открыты двери наших с вами домов. Соседу, гостю. Любому хорошему человеку.

Наше общество с детства воспитывает в людях чувство коллективизма, взаимовыручки. Неравнодушные к общим делам и заботам. Демократизм.

Азербайджанское гостеприимство и радушие вошло в поговорку.

Так откуда же взялась в азербайджанской деревне эта странная мода — обносить дом забором? Разве камню при нынешней нашей всеобщей стройке нет применения получше? Откуда эти случаи чиновничьей спеси, как и — безразличия к тому, что по ту сторону забора?

Вспоминаю партийный актив лет так пятнадцать назад. В разгар патриотической кампании по озеленению Баку силами всех бакинцев, когда объявлены были «зеленые пятилетки», так преобразившие облик столицы Азербайджана, один из партийных руководителей с трибуны спросил, адресуясь к городским властям: «Скажите, почему в общественных скверах, на улицах города мало цветов?» С места ответили: «Так ведь раут. Ничьи».

И тогда с трибуны прогрессивно встреченное бурными аплодисментами зала: «А вы опять сажайте! Опять сажайте!». Сажайте до тех пор, пока не привыкнут к цветам на улице».

Теперь на улицах Баку много цветов.